

Крестовская Мария Всеволодовна

**Ревность; Бабушкина
внучка; Торжество Юлии
Андреевны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Всеволодовна К.**
Ревность; Бабушкина внучка; Торжество Юлии Андреевны / Крестовская
Мария Всеволодовна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 324 с.

ISBN 978-5-519-91067-5

ISBN 978-5-519-91067-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РЕВНОСТЬ.

(Посвящается М. Н. К.....)

I.

— Ну вотъ, Лизокъ, я принесъ тебѣ цѣлыя два извѣстія! — сказалъ Сергѣй Михайловичъ своей женѣ, вернувшись со службы.

Лизавета Петровна, привыкнувъ угадывать иногда суть дѣла по одному выраженію лица мужа, торопливо и тревожно взглянула на него.

— Какія же? — спросила она, пытливо вглядываясь въ него и видя на его лицѣ одновременно какъ бы и удовольствіе и смущеніе.

— Во-первыхъ, Клавдія Николаевна уже въ Москвѣ и сегодня выѣзжаетъ въ Петербургъ.

— А!.. — сказала коротко Лизавета Петровна, и больше ничего не прибавила. Но по тону этого „а“ и по выраженію, мелькнувшему въ лицѣ жены Сергѣя Михайловичъ сейчасъ же догадался, что жена скорѣе недовольна, чѣмъ довольна этимъ извѣстіемъ, такъ обрадовавшимъ его.

Клавдія Николаевна была его старымъ другомъ, и Сергѣй Михайловичъ считалъ ее, ея мужа (только-что умершаго, съ которымъ они были однокурсники) и всю ихъ семью самыми дорогими и близкими для себя людьми, послѣ своей собственной семьи. Но жена его,

знавшая ихъ по его рассказамъ почти такъ же хорошо, какъ и самъ онъ, лично не была еще съ ними знакома. Сугробины, незадолго передъ тѣмъ, какъ Сергѣй Михайловичъ сдѣлался женихомъ, переѣхали въ Харьковъ, гдѣ Сугробинъ получилъ тогда хорошее назначеніе. Теперь овдовѣвъ, Клавдія Николаевна еще въ первый разъ за всѣ эти семь лѣтъ возвращалась съ дѣтьми снова въ Петербургъ.

— Надо будетъ завтра поѣхать встрѣтить ихъ...— сказалъ Сергѣй Михайловичъ, мелькомъ взглядывая на жену и ласково, какъ-то особенно ласково, обнялъ и поцѣловалъ ее.

— Конечно,—сказала она.

— Послушай, Лизочекъ... — заговорилъ онъ еще нѣжнѣе, прижимая ее къ себѣ и начиная вмѣстѣ съ ней ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ, что онъ дѣлалъ всегда, когда немножко волновался.— Послушай, Лизочекъ, мнѣ бы очень хотѣлось, милая чтобы ты приняла ее какъ можно... привѣтливѣе, сердечнѣе... она теперь такъ несчастна... трехъ мѣсяцевъ вѣдъ нѣтъ еще послѣ смерти Алексѣя... отъ знакомыхъ здѣшнихъ она совсѣмъ уже отстала, родныхъ у нея тоже здѣсь никого, значить будетъ совсѣмъ одинока... Нашъ долгъ, милая, насколько возможно облегчить ей это тяжелое время.

— Конечно, конечно... — сказала Лизавета Петровна.—Отчего же, я ей очень рада...—прибавила она черезъ минуту, точно успокаивая мужа. Но Сергѣй Михайловичъ, до тонкости изучившій жену сейчасъ же подмѣтилъ искусственность этой любезности и невольно вздохнулъ про себя.

Онъ давно уже чувствовалъ, что въ женѣ его лежитъ какое-то странное, безпричинное недоброжелательство къ этимъ лучшимъ друзьямъ его молодости, и особенно къ самой Клавдіи Николаевнѣ, которую она, несмотря на отсутствіе ея, слегка даже ревновала къ мужу въ первые годы замужества, находя, что онъ уже

черезчуръ высоко ставить ее и слишкомъ часто говорить о ней.

— Ну еще бы,—отвѣчала она иногда на какое-нибудь замѣчаніе мужа, полушутя, полуйскренно надываясь на него,—еще бы, гдѣ же мнѣ это знать (или умѣть), вѣдь я не Клавдія Николаевна!

И чувство это, на видѣ какъ бы только шутливое, было въ ней, вѣроятно, гораздо глубже, чѣмъ она думала даже сама, потому что Сергѣя Михайловича невольно поразило, какъ его Лиза, такая въ сущности добрая и отзывчивая, отнеслась вдругъ такъ равнодушно къ страшному горю, постигшему несчастную, обожавшую мужа, Клавдію Николаевну. Но онъ все-таки не терялъ надежды побороть въ ней со временемъ это досадное, огорчавшее его чувство предубѣжденія и очень надѣялся на личное знакомство жены съ Клавдіей Николаевной.

По его мнѣнію, Клавдія Николаевна была такая умная, милая и симпатичная женщина, которая не могла не располагать къ себѣ.^с

— Мнѣ бы очень хотѣлось, Лизочекъ,—продолжалъ онъ, все ласковѣе пожимая руки жены,—чтобы вы сошлись съ ней... Тебѣ, моя дорогая, не слѣдуетъ забывать сколько они съ мужемъ сдѣлали для меня, когда я былъ при смерти боленъ. Вѣдь я тебѣ уже, кажется, нѣсколько разъ рассказывалъ, какъ они перевезли меня тогда изъ меблированныхъ комнатъ къ себѣ на квартиру, и какъ она, какъ родная сестра, ходила за мной цѣлые два мѣсяца. Можетъ быть, еслибы не они, я бы и не пережилъ тогда моего тифа... И вотъ, сударыня,—закончилъ онъ полушутя, полусерьезно,—вамъ теперь представился отличный случай отблагодарить ее, въ свою очередь, за всѣ ея заботы и попеченія о вашемъ благовѣрномъ.

— Ну, конечно, вѣдь я уже сказала!—нетерпѣливо прервала его Лизавета Петровна, и видимо желая перемѣнить разговоръ, спросила мужа:

— Ну, а другое какое извѣстіе?

Сергѣй Михайловичъ вздрогнулъ и нахмурился, какъ человѣкъ, вспомнившій что-то непріятное. Онъ даже не сразу отвѣтилъ.

— Да,—протянулъ онъ какимъ-то страннымъ тономъ,—да, ну это уже совсѣмъ изъ другой оперы... Мнѣ предлагаютъ взять назначеніе въ Самаркандъ...

— Въ Самаркандъ!—съ ужасомъ, не давъ ему почти докончить,—воскликнула Лизавета Петровна, и вдругъ опустилась въ кресло и заплакала.

— Господи! Да о чемъ же ты, Лиза! Вѣдь я же не взялъ еще этого мѣста, вѣдь мнѣ его только еще предлагаютъ!—сказалъ растерявшійся Сергѣй Михайловичъ.

Но Лизавета Петровна плакала все сильнѣе и сильнѣе.

— Это ужасно... ужасно... въ Самаркандъ...—говорила она всхлипывая.

Сергѣй Михайловичъ съ недоумѣніемъ постоялъ надъ женой, и вдругъ нетерпѣливо передернулъ плечами и заходилъ опять по комнатѣ.

Онъ понялъ, что жена его расплакалась совсѣмъ не потому, что ему предложили мѣсто въ Самаркандъ; она, конечно, ни минуты не вѣрила въ душѣ, чтобъ они дѣйствительно могли бы поѣхать туда, а плакала только оттого, что завтра пріѣзжаетъ Клавдія Николаевна. Самаркандъ же явился лишь благовиднымъ предлогомъ расплакаться, какъ ей того вѣроятно захотѣлось съ первой же минуты, что онъ сказалъ о пріѣздѣ Клавдіи Николаевны. Но расплакаться явно отъ этой причины она стыдилась и, сдержавъ себя, придралась потомъ къ первому попавшемуся предлогу.

„И изъ-за чего!.. за что? что она ей сдѣлала?“ спрашивалъ себя мысленно Сергѣй Михайловичъ.

Онъ предчувствовалъ, что теперь предстоитъ цѣлый рядъ непріятныхъ сценъ, на которыя способны только

женщины, когда они заберутъ себѣ что-нибудь въ голову. Пожалуй, это отразится даже и на его отношеніяхъ съ Клавдіей Николаевной; она, какъ женщина умная, сейчасъ же, конечно, все замѣтитъ и сама поспѣшитъ отстраниться.

Жена продолжала плакать, а ему даже и успокоивать ее не хотѣлось и не хотѣлось тѣмъ болѣе, что это было обязательно для него. Онъ зналъ, что она ждетъ, чтобъ онъ утѣшалъ ее, и не перестанетъ плакать, пока онъ дѣйствительно не начнетъ успокаивать ее.

— Да полно же, Лиза! — сказалъ онъ, пересиливая себя и подходя къ ней. — Вѣдь это же глупо наконецъ! Ну о чемъ ты плачешь? Какъ тебѣ не стыдно! — И онъ взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ, хотя все въ немъ протестовало въ эту минуту противъ этихъ насильственныхъ ласкъ, но надо было смягчить ее какъ-нибудь къ завтрашнему дню, чтобъ и завтра не повторилось что-нибудь подобное.

Заплаканное лицо Лизаветы Петровны оставалось попрежнему хмуро и холодно. Она не отвѣтила на поцѣлуи мужа и молча сидѣла передъ нимъ, смотря куда-то въ сторону, мимо него.

„Да, — говорила она себѣ, — да, вотъ онъ нарочно теперь задобриваетъ меня, чтобъ я любезнѣе приняла ту... а между тѣмъ, когда я заплакала, онъ только разозлился! Ему все равно, что я плачу, что мнѣ тяжело, онъ только о себѣ думаетъ!.. О, я знаю его... такъ знаю...

И Лизавета Петровна вырвала отъ мужа свою руку и снова заплакала.

— Ты прекрасно знаешь, — раздраженно заговорила она, думая обмануть его все-таки въ истинной причинѣ своихъ слезъ, хотя и знала въ душѣ, что онъ все равно догадался уже о ней, — прекрасно знаешь, что я ненавижу эту твою возлюбленную... провинцію! Я тебѣ еще до замужества ставила условіемъ нашего

брака, чтобы мы никогда не уѣзжали изъ Петербурга! Тутъ у меня всѣ родные и знакомые... Наконецъ, ты самъ знаешь, какое здоровье у Сережи — его каждую недѣлю лѣчить приходится! И вдругъ въ Самарканды! Въ такую глушь, гдѣ даже порядочнаго доктора достать нельзя! И какое мы тамъ прекрасное образованіе дѣтямъ дадимъ! Ни одинъ хорошій учитель не поѣдетъ!.. Это просто... просто не добросовѣстно по отношенію всѣхъ обязанностей своихъ къ ней, брать такое мѣсто!..

— Да развѣ я взялъ его, наконецъ! — воскликнулъ, теряя терпѣніе, Сергѣй Михайловичъ! — Вѣдь не могу же я запретить предлагать мнѣ мѣста въ провинцію, только потому, что ты изволила будто бы ставить мнѣ какія-то условія не уѣзжать никогда изъ Петербурга! Довольно и того, что я самъ не беру ихъ! И къ чему ты несешь весь этотъ вздоръ о Сережѣ, докторахъ, дѣтяхъ, какихъ-то обязанностяхъ, воспитаніи и т. д. Къ чему все это? Развѣ нельзя сказать прямо, что ты не хочешь ѣхать туда — и довольно бы кажется; да, наконецъ, можешь успокоиться, я еще менѣе тебя расположенъ уѣзжать изъ Петербурга...

— Ну, еще, бы, еще бы, — сказала Лизавета Петровна, вдругъ ядовито смѣясь, — еще бы, развѣ ты можешь быть расположенъ уѣзжать изъ него, когда сюда твоя Клавдія Николаевна изволитъ жаловать!

— Нѣтъ, это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! — воскликнулъ, потерявъ послѣднее терпѣніе, Сергѣй Михайловичъ и, круто повернувшись, ушелъ, сильно хлопнувъ дверью, въ свой кабинетъ.

— Ну вотъ, ну вотъ! — сказала съ отчаяніемъ, смотря ему вслѣдъ Лизавета Петровна, — вотъ уже начинается, начинается!.. Я заранѣе была увѣрена, что стоитъ только этой госпожѣ пріѣхать, какъ это сейчасъ же начнется! Скверная женщина, безъ сердца; это есть, есть такія женщины, которыя всѣмъ только несчастіе приносятъ! Ну что же, конечно, она совсѣмъ

отобьетъ его отъ меня—онъ и теперь только мечтаетъ что о ней. Можетъ быть она и ѣдетъ нарочно только для того, чтобы женить его на себѣ! Что же, это теперь такъ легко, такъ часто дѣлается, что и удивляться нечему! Развестись ничего не стоитъ... Что же, очень, очень можетъ быть... Можетъ быть она давно въ него уже влюблена была и только смерти мужа дожидалась.

— Кушать подано!—сказала, входя, горничная Катя.

„Боже мой, развѣ я могу теперь кушать! Боже мой, ужъ лучше мнѣ умереть было раньше, чѣмъ дожить до этого...“

— Не буду я кушать!—сказала она вслухъ:—у меня мигрень сдѣлалась! Поди скажи барину, чтобы онъ одинъ обѣдалъ.— И Лизавета Петровна вмѣсто обѣда ушла въ свою темную спальню и заперлась тамъ.

II.

Сергѣй Михайловичъ пришелъ въ столовую съ сердитымъ лицомъ и, отодвинувъ свой стулъ, молча сѣлъ за столъ.

Катя налила ему супу, и онъ все такъ же молча принялся за него.

— А мама?—спросилъ маленькій Сережа.

— У мамыши головка заболѣла!—сказала Катя.

„И при людяхъ главное!—подумалъ Сергѣй Михайловичъ:—всѣ видятъ, догадываются, чортъ знаетъ, что тамъ потомъ думаютъ и сплетничаютъ у себя по кухнямъ!“

Но понемногу, за ѣдой онъ началъ успокаиваться, и раздраженіе его на жену нѣсколько уменьшилось.

Сергѣй Михайловичъ не могъ не признать, что въ сущности они съ женой жили очень дружно и мирно-любовно, если не считать разныхъ мелкихъ размолвокъ, которыя бываютъ между каждымъ супругами. Въ общемъ, у Лизаветы Петровны характеръ былъ скорѣе

мягкій, чѣмъ капризный, а главное, она была искренно и горячо привязана къ нему, такъ что Сергѣй Михайловичъ часто сознавалъ, не безъ чувства благодарности къ своей судьбѣ, что онъ вынулъ счастливый билетъ въ той рискованной лотереѣ, которая зовется бракомъ.

Онъ вспомнилъ это и теперь, взглянувъ, послѣ жаркого, на пустой стулъ жены, которую ему невольно стало жалко.

„Ну не глупо ли!—сказалъ онъ себѣ, думая о ней:—лежитъ тамъ теперь голодная въ темной комнатѣ, навѣрное плачетъ къ тому же; только голова разболится еще пожалуй“...

— Ышь, Ышь, Сережа, нечего размазывать! — сказалъ онъ маленькому Сережѣ, замѣтивъ, что тотъ, пользуясь отсутствіемъ матери и разсѣянностью отца, не ѣлъ свою говядину, а устраивалъ изъ ея кусочковъ какія-то мудренныя фигурки.

„Нѣтъ, и изъ-за чего главное? Ну, что та ей сдѣлала?“ продолжалъ онъ, мысленно возвращаясь опять къ волновавшей его мысли о ревности жены къ Клавдіи Николаевнѣ.

Эта ревность всегда удивляла его, потому что Лизавета Петровна не только сама не видѣла никогда своей мнимой соперницы, но даже и Сергѣй-то Михайловичъ за всѣ эти семь лѣтъ всего два раза ѣздилъ въ Харьковъ, да и то больше проѣздомъ. Въ сущности, Лизавета Петровна даже и не была очень ревнива, но какъ только рѣчь заходила о Клавдіи Николаевнѣ, она начинала волноваться и самый тонъ ея звучалъ враждебно и подозрительно. Лизавета Петровна не любила даже, когда мужъ получалъ письма отъ Сугробиныхъ, и, казалось, ревновала Сергѣя Михайловича не только къ Клавдіи Николаевнѣ, но и къ ея мужу.

А между тѣмъ, разбирая самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ свое чувство къ этой жен-

щинѣ, которую дѣйствительно любилъ и уважалъ, Сергѣй Михайловичъ не находилъ въ немъ ни тѣни какой бы то ни было виновности передъ женой. Пока онъ не завелся собственной семьей, семья Сугробиныхъ была для него какъ бы своею родною семьей. Полученное имъ извѣстіе о смерти самого Сугробина такъ взволновало и поразило его, что онъ хотѣлъ сейчасъ же ѣхать въ Харьковъ, чтобы только хоть чѣмъ-нибудь помочь тамъ его вдовѣ.

Но когда онъ сказалъ о своемъ намѣреніи Лизаветѣ Петровнѣ, она сдѣлала такое удивленное лицо и глаза ея такъ сразу потемнѣли, что Сергѣй Михайловичъ понялъ, что уѣхать будетъ совсѣмъ не такъ легко и просто, какъ ему это казалось въ первую минуту.

— Дѣлай, какъ хочешь! — сухо сказала Лизавета Петровна, и какъ только она это сказала, онъ окончательно убѣдился, что именно такъ-то, какъ онъ хочетъ, и не можетъ сдѣлать, несмотря на выданную ему какъ бы *carte blanche*.

— Ахъ, какъ это несносно! — нетерпѣливо передернувъ плечами, сказалъ Сергѣй Михайловичъ, возмущаясь тѣмъ, что жена даже и въ такую тяжелую минуту не можетъ отрѣшиться отъ своей глупой ревности къ бѣдной Клавдіи Николаевнѣ.

Но слова эти, а главное ихъ тонъ, оказались очень неосторожными, и Сергѣй Михайловичъ не разъ потомъ раскаявался въ нихъ, потому что они только хуже подлили масла на огонь и еще больше вооружали Лизавету Петровну противъ Клавдіи Николаевны. Лизавета Петровна ничего тогда не сказала, но цѣлые два дня была такъ сильно не въ духѣ, что весь домъ ходилъ на цыпочкахъ.

Отъѣздъ Сергѣя Михайловича, понятно, не состоялся, да онъ и самъ бросилъ всякую мысль о немъ и думалъ только о томъ, чтобы снова водворить въ своемъ домѣ тотъ миръ, при которомъ жилось такъ пріятно и покойно. Постепенно все вошло въ обычную колею,

и через нѣсколько дней Лизавета Петровна, убѣдившись, что Сергѣй Михайловичъ совершенно бросилъ мысль „летѣть зачѣмъ-то въ Харьковъ“, не только перемѣнила гнѣвъ на милость, но какъ бы въ награду за то стала еще внимательнѣе и заботливѣе къ мужу. Даже относительно Клавдіи Николаевны произошла какъ будто перемѣна къ лучшему. За это время выяснилось, что Клавдія Николаевна все распродаетъ и переѣзжаетъ съ дѣтьми обратно въ Петербургъ, такъ какъ оставаться въ Харьковѣ послѣ смерти мужа ей было слишкомъ тяжело.

По поводу этого переѣзда возникли разныя порученія къ Сергѣю Михайловичу, и писемъ отъ Клавдіи Николаевны за эти два мѣсяца онъ получилъ больше, чѣмъ за предыдущіе два года. Каждый разъ, при полученіи имъ траурнаго конверта, онъ замѣчалъ, что жену его передергиваетъ и она слегка блѣднѣетъ, но, видимо сдерживая себя, принимаетъ равнодушный видъ и даже разспрашиваетъ, о чемъ пишетъ Клавдія Николаевна, скоро ли пріѣдетъ, здорова ли и т. д.

И хотя Сергѣй Михайловичъ, прекрасно изучившій жену, мало вѣрилъ ея напускному равнодушію, но все-таки же надѣялся, что, разъ принявшись, она выдержитъ себя и дальше, а со временемъ и совсѣмъ примирится съ его старою пріятельницей, побѣдивъ свою странную враждебность и недовѣріе къ ней. Какъ вдругъ сегодняшняя вспышка!..

„Ужасно непріятно!—думалъ Сергѣй Михайловичъ, наскоро допивая свой кофе:—и какъ нарочно, наканунѣ самаго пріѣзда! Ну, пойду къ ней; что съ ними дѣлать, всѣ онѣ, эти женщины, одинаковы, Богъ ужъ съ ней“...

И онъ всталъ изъ-за стола, торопливо поцѣловалъ Сережу и, направившись къ спальнѣ, осторожно пріотворилъ дверь.

Въ комнатѣ было темно, только слабый свѣтъ лампы у божницы невѣрными тѣнями освѣщаль потолокъ и углы комнаты.